

Анна Ахматова
Царскосельская ода
Девятисотые года

А в переулке забор дощатый...
Н. Г.

Настоящую оду
Нашептало... Постой,
Царскосельскую одурь
Прячу в ящик пустой.
В роковую шкатулку,
В кипарисный ларец,
А тому переулку
Наступает конец.
Здесь не Темнк, не Шуя —
Город парков и зал,
Но тебя опишу я,
Как свой Витебск — Шагал.
Тут ходили по струнке,
Мчался рыжий рысак,
Тут еще до чугулки
Был знатнейший кабак.
Фонари на предметы
Лили матовый свет,
И придворной кареты
Промелькнул силуэт.
Так мне хочется, чтобы
Появились могли
Голубые сугробы
С Петербургом вдали.

Здесь не древние клады,
А дощатый забор,
Интендантские склады
И извозчий двор.
Шепелявя неловко
И с грехом пополам,
Молодая чертовка
Там гадает гостям.
Там солдатская шутка
Льется, желчь не тая..
Полосатая будка
И махорки струя.
Драли песнями глотку
И клялись попадьей,
Пили допоздна водку,
Заедали кутьей.
Ворон криком прославил
Этот призрачный мир...
А на розвальнях правил
Великан-кирасир.

1961
Комарово

Царское Село в поэзии Серебряного века

(составитель А.В. Кузьмин)

Осип Мандельштам

Царское село

Георгию Иванову

Поедем в Царское Село!
Там улыбаются мещанки,
Когда уланы после пьянки
Садятся в крепкое седло...
Поедем в Царское Село!

Казармы, парки и дворцы,
А на деревьях — клочья ваты,
И грянут «здравия» раскаты
На крик — «здорово, молодцы!»
Казармы, парки и дворцы...

Одноэтажные дома,
Где однодумы-генералы
Свой коротают век усталый,
Читая «Ниву» и Дюма...
Особняки — а не дома!

Свист паровоза... Едет князь.
В стеклянном павильоне свита!..
И, саблю волоча сердито,
Выходит офицер, кичась,—
Не сомневаюсь — это князь...

И возвращается домой —
Конечно, в царство этикета —
Внушая тайный страх, карета
С мощами фрейлины седой,
Что возвращается домой...

1912, 1927(?)

В них плакала какая-то обида,
Звенела медь и шла гроза,
А там, над шкафом, профиль Эврипида
Слепил горящие глаза.

...Скамью я знаю в парке; мне сказали,
Что он любил сидеть на ней,
Задумчиво смотря, как сини дали
В червонном золоте аллея.

Там вечером и страшно и красиво,
В тумане светит мрамор плит,
И женщина, как серна боязлива,
Во тьме к прохожему спешит.

Она глядит, она поёт и плачет,
И снова плачет и поёт,
Не понимая, что всё это значит,
Но только чувствуя — не тот.

Журчит вода, протачивая шлюзы,
Сырой травой пахнет мгла,
И жалок голос одинокой музы,
Последней — Царского Села.

1912

Анна Ахматова

Учитель

Памяти Иннокентия Анненского

А тот, кого учителем считаю,
Как тень прошел и тени не оставил,
Весь яд впитал - всю эту одурь выпил,
И славы ждал... Он славы не дождался,
Он был предвестьем, предзнаменованием
Всего, что с нами после совершилось,
Всех пожалел, во всех вдохнул томленье -
И задохнулся...

1945

Анна Ахматова

Все души милых на высоких звездах.
Как хорошо, что некого терять
И можно плакать. Царскосельский воздух
Был создан, чтобы песни повторять.

У берега серебряная ива
Касается сентябрьских ярких вод.
Из прошлого восставши, молчаливо
Ко мне навстречу тень моя идет.

Здесь столько лир повешено на ветки,
Но и моей как будто место есть.
А этот дождик, солнечный и редкий,
Мне утешенье и благая весть.

1921

Николай Гумилев

Памяти Анненского

К таким неожиданным и певучим бредням
Зовя с собой умы людей,
Был Иннокентий Анненский последним
Из царскосельских лебедей.

Я помню дни: я, робкий, торопливый,
Входил в высокий кабинет,
Где ждал меня спокойный и учтивый,
Слегка седеющий поэт.

Десяток фраз, пленительных и странных,
Как бы случайно уроня,
Он вбрасывал в пространства безымянных
Мечтаний — слабого меня.

О, в сумрак отступающие вещи
И еле слышные духи,
И этот голос, нежный и зловещий,
Уже читающий стихи!

Граф Василий Комаровский

В Царском Селе

Я начал, как и все – и с юношеским жаром
Любил и буйствовал. Любовь прошла пожаром,
Дом на песке стоял – и он не уцелел.
Тогда, мечте своей поставивши предел,
Я Питер променял, туманный и угарный,
На ежедневную прогулку по Бульварной.
Здесь в дачах каменных – гостеприимный кров
За революцию осиротевших вдов.
В беседе дружеской проходит вечер каждый.
Свободой насладись – ее не будет дважды!
Покоем лечится примерный царскосел,
Гуляет медленно, избавленный от зол,
В аллеях липовых скептической Минервы.
Здесь пристань белая, где Александр Первый,
Мечтая странником исчезнуть от людей,
Перчатки надевал и кликал лебедей,
Им хлеба белого разбрасывая крошки.
Иллюминация не зажигает плошки,
И в бронзе неказист великий лицеист.
Но здесь над Тютчевым кружился «ржавый лист»,
И, может, Лермонтов скакал по той аллее?
Зачем же, как и встарь, а может быть и злее,
Тебя и здесь гнетет какой-то тайный зуд? –
Минуты, и часы, и месяцы – ползут.
Я знаю: утомясь опять гнездом безбурным,
Скучая досугом своим литературным,
Со страстью жадною я душу всю отдам
И новым странностям, и новым городам.
И в пестрой суете, раскаяньем томимый,
Ведь будет жаль годов, когда я, нелюдимый,
Упорного труда постигнув благодать,
Записывал стихи в забытую тетрадь...

1912

Анна Ахматова

Сон

Я знала, я снюсь тебе,
Оттого не могла заснуть.
Мутный фонарь голубел
И мне указывал путь.

Ты видел царицын сад,
Затейливый белый дворец
И черный узор оград
У каменных гулких крылец.

Ты шел, не зная пути,
И думал: «Скорей, скорей,
О, только б ее найти,
Не проснуться до встречи с ней».

А сторож у красных ворот
Окликнул тебя: «Куда!»
Хрустел и ломался лед,
Под ногами чернела вода.

«Это озеро,- думал ты,-
На озере есть островок...»
И вдруг из темноты
Поглядел голубой огонек.

В жестком свете скудного дня
Проснувшись, ты застонал
И в первый раз меня
По имени громко назвал.

1915

Ингерманландии окутанные дали
И елей сероватый цвет.
День этот солнечный, в котором нет печали,
Но счастья – счастья тоже нет.

И всюду важные и пышные дороги
Сплелись в себялюбивый круг.
А снегом искрится и блещет скат отлогий,
Равняя озеро и луг.

Лишь ветер налетит и жжет, немного пряный,
И временами, снова злей,
Он всюду закрутит, тоскуя окаянно
Среди расчищенных аллей.

1913

Иннокентий Анненский

Бронзовый поэт

На синем куполе белеют облака,
И чётко ввысь ушли кудрявые вершины,
Но пыль уж светится, а тени стали длинны,
И к сердцу призраки плывут издалека.

Не знаю, повесть ли была так коротка,
Иль я не дочитал последней половины?..
На бледном куполе погасли облака,
И ночь уже идет сквозь чёрные вершины...

И стали — и скамья и человек на ней
В недвижимом сумраке тяжеле и страшней.
Не шевелись — сейчас гвоздики засверкают,

Воздушные кусты сольются и растают,
И бронзовый поэт, стряхнув дремоты гнёт,
С подставки на траву росистую спрыгнёт.

1910

Где лицемерен цвет намеренно не яркий;
Ни гладь зеленая бесчисленных запруд,
Ни желтый мох камней, как будто плесень руд,
На скудном севере далекий отблеск Рима,
Меня не повлекут назад необоримо.

Я тоже не пойду по траурным следам,
Где — «равнодушная к обидам и годам»
Обманутым стихом прославленная Раса
Стоит, довольная придворною удачей:
Помолодеть и ей внезапно довелось!
Отремонтирован ея «ужасный» нос
Ремесленным резцом; и выбелены раны,
Что накопили ей холодные туманы.

Я буду вспоминать, по новому скупой,
Тебя, избитую обыденной тропой,
Сочувствием вдовы, насмешкой балагура...
С рукой подпертою сидящую понуро.
Я вечер воскрешу и поглотят меня
Деревьев сумерки. Безумолчно звеня,
Пушай смешается с листвою многошумной
Гремучая струя и отдых мой бездумный.

* Разбитый кувшин

Царское Село 1913

Граф Василий Комаровский

Мы, любопытствуя, прошли дворец и своды,
Где тень внезапно леденит.
Но равнодушные бездумного народа
Их предрассудок сохранит...

Лазурная стена сияет веселее,
Чем синий, зимний небосклон.
И Камероновы белеют пропилен
Беспечной четкостью колонн.

Иннокентий Анненский

Сентябрь

Раззолоченные, но чахлые сады
С соблазном пурпура на медленных недугах,
И солнца поздний пыл в его коротких дугах,
Невластный вылиться в душистые плоды.

И желтый шелк ковров, и грубые следы,
И понятая ложь последнего свиданья,
И парков черные, бездонные пруды,
Давно готовые для спелого страданья...

Но сердцу чудится лишь красота утрат,
Лишь упоение в замороженной силе;
И тех, которые уж лотоса вкусили,
Волнует вкрадчивый осенний аромат.

1904

Граф Василий Комаровский

Сентябрь

Внезапной бурею растрепана рябина
И шорохом аллей,
Вчерашнего дождя осыпались рубины
На изморозь полей.

И снова солнечный, холодный и приятный,
И день, и блеск садов.
И легкой зелени серебряные пятна
В прозрачности прудов.

Морского воздуха далекое дыханье
Как ранняя весна.
Глав позолоченных веселое сверканье.
Безлюдье. Тишина.

Пусть это только день, и час, или мгновенье,
Пусть это день один,
И в тонком воздухе я чую дуновенье
И холод первых льдин.

Но солнце катится, и сердце благодарно
В короткие часы
За желтый мед листвы, и полдень светозарный,
И ясный звон косы.

Церера светлая сегодня отдала мне
И запахи смолы,
Все эти серые и розовые камни,
И мокрые стволы.
1912
Царское Село

Эрих Голлербах

В Царкосельском парке

Величавые безлюдные аллеи,
Неустанный шепот вековых деревьев...
Мраморные боги, в зелени белея,
Слушают их тихий шелестный напев.
Лебеди, медлительно плывущие
По озерной глади близ поникших ив,
Клумбы, туберозами цветущие
Пенья птичьего стрекочущий мотив...
Памятники старые гранитные,
Зарастающие буроватым мхом...
Из кувшина струи льются слитные
У Молочницы в зеркальный водоем.
Ветхая надменно-мрачная руина,
Угловатый зубчатый карниз...
За каналом, где обманчивая тина,
Горделивый исполин – Каприз.
В чуткой тишине дорог уединенных,
Где, дрожа, дwoятся пятна полусвета,
Где мелькают крылья мотыльков влюбленных,
Бродит светлый дух бессмертного поэта.

Иннокентий Анненский

Рассе*

Меж золочёных бань и обелисков славы
Есть дева белая, а вокруг густые травы.

Не тешит тирс её, она не бьёт в тимпан,
И беломраморный её не любит Пан.

Одни туманы к ней холодные ласкались,
И раны черные от влажных губ остались.

Но дева красотой по-прежнему горда,
И трав вокруг неё не косят никогда.

Не знаю почему — богини изваянье
Над сердцем сладкое имеет обаянье...

Люблю обиду в ней, её ужасный нос,
И ноги сжатые, и грубый узел кос.

Особенно, когда холодный дождик сеет,
И нагота её беспомощно белеет...

О, дайте вечность мне, — и вечность я отдам
За равнодушие к обидам и годам.

*Статуя мира

1905

Граф Василий Комаровский

La crushe cassee*

Ни этот павильон хандры порфирородной
(Предел, поставленный тоске простонародной),
Где сладострастие и дымчатый агат,
А ныне — факелов потушенный обряд;
Ни в триумфальный год воздвигнутая арка,

И - странно! - я ее пережила.
Там пень торчит, чужими голосами
Другие ивы что-то говорят
Под нашими, под теми небесами.
И я молчу... как будто умер брат.

18 января 1940
Ленинград

Анна Ахматова

Царскосельская статуя

Н.В.Н.

Уже кленовые листья
На пруд слетают лебединый,
И окровавлены кусты
Неспешно зреющей рябины,

И ослепительно стройна,
Поджав незябнущие ноги,
На камне северном она
Сидит и смотрит на дороги.

Я чувствовала смутный страх
Пред этой девушкой воспетой.
Играли на ее плечах
Лучи скудеющего света.

И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюбленной...
Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.

октябрь 1916года
Севастополь

Анна Ахматова

В Царском Селе

I

По аллее проводят лошадок
Длинные волны расчесанных грив.
О, пленительный город загадок,
Я печальна, тебя полюбив.

Странно вспомнить: душа тосковала,
Задыхалась в предсмертном бреду,
А теперь я игрушечной стала,
Как мой розовый друг какаду.

Грудь предчувствием боли не сжата,
Если хочешь, в глаза погляди.
Не люблю только час пред закатом,
Ветер с моря и слово «уйди».

*22 февраля 1911
Царское Село*

ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

I.

По аллеѣ проводить лошадокъ,
Длинные волны расчесанныхъ гривъ.
О пленительный городъ загадокъ,
Я печальна, тебя полюбивъ.

Странно вспомнить! Душа тосковала,
Задыхалась въ предсмертномъ бреду,
А теперь я игрушечной стала,
Какъ мой розовый другъ какаду.

Грудь предчувствіемъ боли не сжата,
Если хочешь — въ глаза погляди,
Не люблю только часъ предъ закатомъ,
Вѣтеръ съ моря и слово «уйди».

II

...А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым клёном,
Озёрным водам отдал лик,
Внимает шорохам зелёным.

И моют светлые дожди
Его запекшуюся рану...
Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморною стану.

1911

III

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озёрных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

24 февраля 1911
Царское Село

Иннокентий Анненский

Л.И. Микулич

Там на портретах строги лица,
И тонок там туман седой,
Великолепье небылицы
Там нежно веет резедой.
Там нимфа с таицкой водой,
Водой, которой не разлиться,
Там стала лебедем Фелица
И бронзой Пушкин молодой.

Там воды зыблются светло
И гордо царствуют берёзы,
Там были розы, были розы,
Пускай в поток их унесло.
Там всё, что навсегда ушло,
Чтоб навевать сиреням грёзы.

...
Скажите: «Царское Село» —
И улыбнемся мы сквозь слёзы.

Анна Ахматова

Ива

*И дряхлый пук дерев
Пушкин*

А я росла в узорной тишине,
В прохладной детской молодого века.
И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне.
Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву.
И, благодарная, она жила
Со мной всю жизнь, плакучими ветвями
Бессонницу овеивала снами.